

Пожалуй, последний месяц Ли У мог с полным правом назвать самым сумбурным периодом в своей жизни.

Всё вокруг словно разбилось на мелкие осколки, а затем сложилось в каком-то хаотичном, лишённом всякой логики порядке. Четыре брака, свалившиеся на него одновременно, внезапная известность и встречи с теми, кого он рассчитывал больше никогда не увидеть.

А ведь ещё пару месяцев назад Ли У лишь смиренно пытался уложить в голове печальный факт: очередной его брак потерпел крушение.

Размышляя об этом, он пришёл к выводу, что семейная жизнь похожа на замок из песка: пока стоит — выглядит ладно, но стоит накатить первой волне, как от него не остаётся и следа. Ему потребовалось немало сил, чтобы разгрести эти руины, вырвать себя из привычного болота разочарования и, спотыкаясь, попытаться начать всё с чистого листа, доверившись новым чувствам.

Ли У всерьёз задавался вопросом: может, он сам по природе своей не приспособлен к столь тесным социальным институтам? Вдруг у него просто нет таланта сохранять долговечную близость? Или всё дело в том, что выбираемые им спутники оказывались слишком выдающимися личностями? Пожалуй, стоило искать кого-то попроще.

Эта склонность к глубокой рефлексии, вероятно, коренилась в его философском образовании. Он невольно погружался в тяжеловесную грусть, превращая собственную жизнь в бесконечный сеанс самоанализа, где боль ощущалась отчётливо, а выход оставался невидимым.

Предыдущего мужа Ли У звали Цзян Мочжу. Идиллия их совместной жизни продлилась недолгий срок, после чего тот, вполне ожидаемо, с головой погрузился в болезненную подозрительность.

Самым ярким проявлением этой нездоровой тяги к контролю стали скрытые камеры. Они то и дело появлялись в доме, постепенно заполняя собой практически каждый угол — словно сотни немых, упрямых глаз, ни на секунду не спускавших с Ли У взгляда.

Подобная слежка вызвала у Ли У почти физическое отвращение и чувство удушья, поэтому он без лишних колебаний предложил разъехаться.

Цзян Мочжу показательно страдал. Он всеми силами пытался удерживать супруга, умолял со слезами на глазах и говорил самые искренние слова. Ли У не почувствовал в этой сцене особой фальши, но и проявить категоричность не смог. Ему оставалось лишь исчезнуть из поля зрения и выражать недовольство по телефону. Поняв, что решение не изменить, Цзян Мочжу в конце концов согласился на развод и предложил Ли У как-нибудь заскочить за документами.

На этом историю можно было бы считать оконченной.

Однако Цзян Мочжу допустил роковую оплошность: он забыл выйти из своего аккаунта на торговой площадке, привязанного к телефону Ли У. История покупок находилась прямо перед глазами.

Увиденное заставило Ли У онеметь от шока.

В последних заказах красовались эротические наручники, прочные верёвки и прочий инвентарь для ограничения свободы. Оформлены они были аккуратно после их громкой ссоры и его переезда.

Ли У не сомневался: явись он тогда в одиночку за свидетельством о разводе, следующего рассвета ему было бы уже не увидеть.

В повседневной жизни Цзян Мочжу держался мягко и даже предупредительно. Он никогда не повышал на Ли У голоса, а его притязания казались весьма умеренными. Но как бы тщательно ни скрывалась истинная натура, сквозь щели глянцевого фасада всё равно пробивался душок гнили.

Первым звоночком стала его скрупулёзная осведомлённость о любых перемещениях Ли У. Назначалась ли встреча с друзьями или устраивался скромный сабантуй с коллегами, экран телефона Ли У неизменно загорался точно в нужный момент. Цзян Мочжу присылал сообщения в духе: «Уже закончили?» или «Я жду на улице».

И действительно, стоило выйти из заведения — его машина уже красовалась на самом видном месте. Опущенное стекло, безупречная улыбка... Коллеги Ли У искренне восхищались таким образцовым супругом, завистливо вздыхая о том, как Ли У повезло отхватить столь заботливого партнёра.

Слушая подобные речи, Ли У поначалу ощущал смутное, приятное тепло и даже сам начал заранее докладывать о своих планах. Но со временем надобность в этом отпала, а Цзян Мочжу всё равно продолжал неизменно встречаться ему на выходе. Со временем эта «забота» изменила вкус. Ненавязчивая подвозка сбросила маску нежности, обнажив под собой удушающий контроль. Это была уже не опека, а молчаливая демонстрация прав собственности, сплетавшаяся вокруг его жизни удушливым вьюнком.

Впервые с Цзян Мочжу они пересеклись в тихом приюте на окраине города. В тот период Ли У ещё состоял во втором браке и выбрался туда волонтером, чтобы хоть ненадолго вырваться из дома.

Его второй муж, Шан Шисю, постоянно пребывал в состоянии нервной взвинченности. Он упорно вбивал себе в голову, будто Ли У его совершенно не любит, и дёргал его по поводу и без, запрещая выходить на работу. На людях Шан Шисю разыгрывал роль галантного и

щедрого покровителя, но за закрытыми дверями превращался в свихнувшегося пса, чья собственническая жилка выжигала всё живое.

Они сходились в постели бесчисленное количество раз. Ли У доходил до полного изнеможения, когда перед глазами плыли смутные круги светильников, но даже в эти минуты уязвимости во взгляде Шан Шисю читалась всё та же болезненная, ненасытная жажда единоличного обладания.

Ли У чувствовал лишь глубокое бессилие. Ему казалось, будто он изо всех сил тащит на поводке взбесившуюся собаку, до крови растирая ладони. Стоило кому-либо — неважно, мужчине или женщине — проявить к Ли У хоть каплю внимания или просто одарить дружелюбным взглядом, как «пёс» моментально оскаливал клыки. А Ли У приходилось сгорать от стыда, выдавливать из себя улыбку и извиняться перед напуганными прохожими за выходы своего неуправляемого спутника.

К тому же за спиной Шан Шисю стоял огромный, запутавшийся в интригах клан, визиты к которому выматывали до предела. После любых семейных дрызг дикая ревность Шан Шисю вспыхивала с новой силой. Утихомирить его безумие удавалось лишь одним способом: если Ли У позволял сжать себя в мёртвой хватке, давая ощутить физическое присутствие.

Поэтому единственной отдушиной для Ли У оставался приют — скромный островок, где удавалось глотнуть немного свежего воздуха.

В тот солнечный день, когда сквозь оконную раму пробивались пыльные лучи, Ли У играл для сирот на стареньком, пожелтевшем пианино. Под его пальцами этот незамысловатый инструмент звучал так, будто был сотворён лучшими мастерами.

Цзян Мочжу стоял неподалёку. В его облике угадывалось нечто от каллиграфической туши и чистоты бамбука после проливного дождя — сдержанность, прохлада и дистанция. Ли У он сразу показался славным человеком. Как выяснилось позже из разговоров с другими волонтерами, Цзян Мочжу регулярно навещался сюда ещё со студенческих лет.

В другой раз Ли У вместе с детьми возился на небольшом огорожке. Вспотев, он утёр лбом щёку, оставив на коже тёмную полосу грязи, но сам этого даже не заметил. Цзян Мочжу тихо наблюдал из-под галереи, а затем подошёл и молча протянул белоснежный платочек, указав пальцем на испачканную щёку.

— Спасибо, — улыбнулся Ли У. — Как мне его вернуть?

— Оставь себе, — ответил Цзян Мочжу.

Вторая их встреча произошла в пышном зале среди звона хрусталя и дорогого парфюма. Шан Шисю редко выводил его в свет, поэтому Ли У ценил такие выходы. За огромными витражными окнами тихо падал снег.

Ли У стоял у стекла, отстранённо наблюдая за метелью и едва сдерживаясь, чтобы не отвечать на реплики Шан Шисю совсем уж невпопад. Шан Шисю находился рядом. Ему нравилась мягкость и безмятежность супруга, принадлежавшие только ему, но удовлетворения это не приносило. Он касался пальцами прохладной щеки Ли У и полушёпотом, с едва скрываемой угрозой, приказывал не отходить ни на шаг и не заговаривать с посторонними. Лишь после этого он великодушно даровал ему каплю иллюзорной свободы.

Обернувшись, Ли У случайно задел поднос официанта, и тёмное вино плеснуло на его светлую рубашку. Парень перепугался, но Ли У лишь великодушно отмахнулся.

— Пойдёмте в отдыхающую, я помогу привести одежду в порядок, — раздался тихий, бархатный голос Цзян Мочжу.

Ли У послушно шёл за ним. Цзян Мочжу дал ему чистую смену. В тот вечер Шан Шисю устроил дикий скандал — его взбесил не сам случай с вином, а тот факт, что Ли У посмел вступить в контакт с чужаком.

Тогда Цзян Мочжу казался воплощением чистоты. И даже после свадьбы он старался чутко беречь Ли У, делая их близость похожей на тёплый весенний бриз. Однако дрянную человеческую натуру не скрыть за красивым фасадом.

Ли У всё же постарался сохранить лицо бывшего мужа, произнеся при расставании:

— Мочжу, я не вернусь.

На том конце провода долго молчали, прежде чем прозвучало:

— Сяо У, мне очень жаль, что всё так вышло... Мы сможем ещё увидеться?

Ли У подумал, что это вполне возможно. В конце концов, Цзян Мочжу был неплохим человеком, просто брак его испортил. Вне семейных уз он снова станет прежним. Впрочем, Ли У упускал простую истину: у всех мужчин одна и та же гниль внутри. Ревность, жажда единоличного владения и бесконечный эгоизм.

Третий брак окончательно распался. Ли У сменил обстановку и устроился преподавать в другую академию — это был его привычный способ сбежать от прошлого, ведь иначе он просто не знал бы, как отказывать Цзян Мочжу во встречах.

Там он и столкнулся с Ци Иньхуаем.

Ци Иньхуай был настоящей звездой военного института, но отличался диким, упрямым нравом — этакий нетренированный молодой леопард, вечная головная боль воспитателей. Он вламывался в аудиторию прямо перед самым звонком, облачённый в белую баскетбольную

майку, чёрные шорты и коллекционные кроссовки. Усаживался на первый ряд прямо перед кафедгой, сдёргивал кепку, взъерошивая растрёпанные тёмные волосы, и, подперев подбородок, откровенно и беззастенчиво уставлялся на Ли У.

Даже не поднимая взгляда от конспектов, Ли У физически ощущал этот тяжёлый, липкий взгляд, который не отпускал его ни на секунду.

У Ци Иньхуа была хищная внешность: высокий надбровный рельеф, глубоко посаженные глаза. Когда он вскидывал взгляд снизу вверх, в нём читалась какая-то необузданная, опасная сила, заставлявшая невольно отступать.

Ли У почти никогда не валил студентов — его дисциплина считалась базовой, и проходной балл получали практически все. Но Ци Иньхуа переходил все границы. Его вызовам и демонстративным выходкам не было конца, поэтому в итоговой ведомости напротив его фамилии вспыхнула одинокая, ярко-красная двойка.

Ли У снимал скромную двухкомнатную квартиру неподалёку. Он отлично понимал, что мальчишка просто пытается привлечь внимание столь топорным способом, но связываться с ним не планировал — преподавать в военке он долго не собирался.

Как-то раз Ли У проходил мимо стадиона, где у курсантов шла физическая подготовка. Ци Иньхуа, лениво придерживавший ноги товарища на качании пресса, завидев преподавателя, тут же спихнул обязанность на соседа и рванул к сетчатому ограждению. Нагнав Ли У, он одним мощным рывком взвился вверх, цепляясь руками за двухметровую ограду, и перевесился через край, перекрывая дорогу.

— Учитель Ли, я ведь пересдал норматив! — выдохнул он, а в его глазах полыхал азартный огонь. — У нас сейчас кросс, если будет время, глянете на меня?

Он так и висел на одних руках, а напрягшиеся бицепсы и рельефная спина подчёркивали мощь молодого тела.

Ли У даже не снизил темпа:

— Не могу, мне пора домой.

— Ну посмотрите на меня! Хотя бы одним глазком! — вопил тот вслед, превращаясь в сущие капризы.

— Ци Иньхуа! Ты какого черта там забыл?! Больше всех надо?! — раскатился над полем рык инструктора.

Ли У обернулся и успел заметить, как парень легко соскочил вниз. Высокий, с широким

разворотом плеч, он обычно бежал во главе колонны, выделяясь из общей массы. Но при всей своей массивности приземлился он бесшумно и грациозно, словно крупный хищный кот.

Загорелые, с рельефной мускулатурой ноги под спортивными шортами блестели от пота на полуденном солнце. Он мягко спружинил на корточках, мгновенно поднялся, попутно задрал майку и обнажив поджарый живот и крепкую поясницу. Смахнув пыль с ладоней, он озорно махнул рукой уходящему Ли У:

— Смотрите на меня!

Дерзкий, пылкий, обжигающий юноша.

Позже в академии проходил торжественный смотр. Курсанты выстроились в безупречные шеренги, все подтянутые и строгие. В небольшой паузе между построениями Ци Иньхуай нагло вышагнул из строя и направился напрямик к Ли У, стоявшему у края гостевой трибуны.

Его размашистый шаг лучился непоколебимой уверенностью, а идеальный китель сидел на нём с той особой лихостью, которую не способна скрыть никакая форма.

Он остановился перед преподавателем, заслонив собой свет. Затем одним чётким движением снял фуражку, прижал её к боку и, чуть наклонившись, заглянул Ли У прямо в глаза. На его губах играла открытая дерзкая улыбка:

— Учитель Ли, я красив?

Солнечные лучи безжалостно высвечивали в его глазах откровенный вызов и жадное ожидание.

И в этот миг, глядя на парня в строгой форме, позволявшего себе столь невыносимую дерзость, Ли У вдруг отчётливо ощутил, как в груди что-то с силой ёркнуло — внезапно, сладко и абсолютно неуправляемо.

<http://bllate.org/book/19923/1992673>